уже неприятельских стрелков по сию сторону речки и, опрокинув назад, удерживали стремление их до самого позднего вечера, а после прикрывали всю ретираду генерала Остермана».

Ожесточенный бой продолжался 17 часов и закончился без ощутимого преимущества для одной из сторон. Связав боем передовые французские части, русские войска сбили темп их наступления, но остановить не смогли.

Штаб-квартиры И. Мюрата и Е. Богарне на ночь разместились в Островно, в окрестностях стали биваками их войска. Оценив обстановку, генерал-лейтенант А. И. Остерман-Толстой ночью отвел свои полки по тракту на 8 километров восточнее. Здесь, у маленькой деревни Куковячино его корпус встал за боевыми порядками 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта П. П. Коновницына.

Обе стороны понесли в бою значительные потери – примерно по 2 тысячи человек. У русских в числе погибших были командир 1-й бригады 23-й пехотной дивизии генерал-майор М. М. Окулов, 2 старших и много младших офицеров. Весьма чувствительной была утрата 6 орудий (в Бородинской битве вся русская армия потеряла их только 13). Ц. Ложье упоминает в своих записках о 600 русских пленных. В наполеоновских частях наибольшие потери понесли 8-й легкий полк и кавалерийская дивизия П. Брюйера. Кирасирский полк, в рядах которого сражался О. Тирион, только от огня русской артиллерии потерял убитыми 187 человек, а в его взводе «...из 27 человек, составлявших его, у меня осталось только 11 человек». В числе пленных оказался и командир эскадрона 16-го конноегерского полка А. Марбо, старший брат знаменитого мемуариста.

Куковячино, 14 июля. Бой у д. Куковячино Витебского повета Витебской губернии (ныне д. Куковячино Витебского района Витебской области) состоялся 14(26) июля 1812 года. Авангарду главных сил «Великой армии» (34 батальона, 58 эскадронов, 76 орудий, 19 000 человек) под командованием маршала И. Мюрата противостоял арьергард 1-й Западной армии (20 батальонов, 44 эскадрона, 10 казачьих сотен, 60 орудий, ок. 11 000 человек) под командованием генерал-лейтенанта П. П. Коновницына.

К исходу ночи новый русский арьергард, пропустив в тыл сражавшиеся части, занял позиции западнее д. Куковячино. (На русских военных картах той поры и в современной российской историографии – Какувячино). Перед ним стояла прежняя задача – как можно дольше сдерживать противника. «...Позиция была взята на буграх, поросших редким лесом, – вспоминал позднее генерал. – На высотах были устроены и сильные батареи. Колонны наши поставлены были скрытно в нашей позиции, а резервы так, что везде удобно и возможно было их обращать. Кавалерия стояла на равнинах справа и слева. Река Двина находилась в двух верстах».

Поле предстоящего боя было местами пересеченным и поросшим кустарником, перед русскими позициями перпендикулярно дороге проходил довольно глубокий овраг. На полянах между рекой и дорогой стали лейб-гвардии казаки, гусары и несколько других полков кавалерии. Слева от дороги, в поросшей кустарником лощине, укрылись лейб-гусары, а дальше, на возвышенности, разместила и замаскировала свои орудия 6-я легкая артиллерийская рота. Правый фланг русской позиции упирался в Западную Двину, левый прикрывался густым заболоченным лесом, общая ее протяженность составляла около 2,5 км. В полукилометре восточнее оврага находились две небольшие деревни: южнее тракта Песчанка и севернее его – Куковячино. Овраг и лес перед ним еще затемно заняли несколько рот егерей, рассыпанные в стрелковые цепи.

Бой начался в восьмом часу утра. «...Гусары, высланные в качестве разведчиков, – писал в своих мемуарах участник боя капитан-инженер 4-го пехотного корпуса Л. Лабом, – были встречены огнем при въезде в лес и принесли известие, что неприятель, по-видимому, намерен его упорно отстаивать. На самом деле, со всех сторон раздавался огонь стрелков, и пушки, выставленные русскими на дорогу, обстреливали наши колонны, двигавшиеся вперед».

Два батальона французской легкой пехоты оттеснили русских егерей из леса впереди оврага. Под их прикрытием И. Мюрат начал строить свои полки в боевой порядок. В центре и на левом фланге первой линии была поставлена 1-я бригада генерала Л. Сент-Обена, на правом фланге 2-я бригада генерала Ж. Русселя. За ними находилась кавалерия П. Брюйера. Одна

бригада его дивизии по найденному броду была переправлена на правый берег для прикрытия своего фланга и создания угрозы флангу противника. Во второй линии находился резерв – три батальона 106-го полка, дивизия А. Сен-Жермена и Итальянская гвардия.

Развертывание французских войск происходило под огнем русской артиллерии. По мере занятия боевых позиций в канонаду активно включилась и артиллерия И. Мюрата. Около 10 часов утра его конница и пехота одновременно атаковали оба русских фланга. «...Наконец стали наступать французские колонны, – вспоминал командир орудия А.К. Карпов, – мы открыли огонь и проводили огонь без торопливости, и тут я первый раз увидел, как наши ядра попадали в колонны и били людей, потом французы подступили сажень на 200 к нам ближе и мы стрелять стали картечью, я также увидел в первый раз, как смертоносное сие изобретение истребляет людей...».

На правом фланге семь батальонов бригадного генерала Ю. Гюйара Сент-Обена вытеснили русских егерей из оврага и дошли до гребня высоты. Генерал-лейтенант П.П. Коновницын направил на этот участок свои резервы, которые контратакой сбросили противника в овраг.

Вторая атака, предпринятая французами и хорватами, закончилась еще большей неудачей. Этот эпизод боя отражен в воспоминаниях Ц. Ложье. «...Тогда русские двигают несколько резервных полков на свой сильно пострадавший правый фланг. Генерал Гюйар, подавленный численностью неприятеля, отступает в беспорядке. ...Дивизия кирасиров, жестоко обстрелянная, спешно отступает, давая место дивизии Брусье, идущей на помощь дивизии Дельзона. Земля дрожит под тяжестью лошадей. Идет какая-то сутолока от скрещивания наступающей пехоты и отступающей кавалерии, получается страшный беспорядок.., царит неуверенность и какое-то досадное смятение. Плохие симптомы!»

Преследуя бегущих, русская пехота перешла овраг и, в свою очередь, попала под удар 8-го польского уланского полка, который повел в бой сам И. Мюрат. «...Неаполитанский король, – пишет Л. Лабом, – вовремя подоспел и остановил успехи русских». В жестокой схватке рядом с маршалом был ранен его адъютант и товарищ (они начинали службу вместе в одном

полку) бригадный генерал П. Дери. Не жалевшего себя командира 15-й легкой кавалерийской бригады польского генерала Ю. Немоевского вынесли с поля боя с тяжелыми ранениями в руку и грудь. В конце концов, боевые порядки русских батальонов были прорваны и они в беспорядке отхлынули за овраг. Подкрепленный двумя резервными батальонами, генерал Ю. Сент-Обен вновь повел свои сильно поредевшие колонны в третью атаку. На этот раз она была более успешной, французам удалось зацепиться за восточную окраину оврага.

Одновременно в центре И. Мюрат послал в атаку выдвинутые из резерва три батальона 106-го линейного полка. Поддержанные кавалерией, они во главе с полковником Л. Бертраном стремительно ворвались на русские позиции и даже сумели захватить здесь три орудия. Но увезти их или даже заклепать французы не успели. Генерал-майор П. Н. Чеглоков навел на них в штыковую атаку стоявшие во 2-й линии Перновский и Кексгольмский пехотные полки и, как гласит боевое донесение, «...спас от покушений неприятельской кавалерии нашу батарею, стоявшую в центре позиции». К атаке подключился ведомый подполковником И. М. Ушаковым Черниговский пехотный полк, который, потеряв в жестокой схватке более 80 человек, «...очистил лес, занятый сильным неприятелем и ударом в штыки отбил захваченную французами нашу трехорудийную батарею». Прискакавший спасать свои пушки начальник артиллерии 1-й Западной армии генерал-майор А. И. Кутайсов получил ранение в ногу.

Упорный бой шел и южнее почтового тракта. Первую атаку в направлении Песчанки пяти батальонов бригадного генерала Ж. Русселя русские отбили ружейным огнем и шквалом картечи. «...92-й полк, смущенный огнем, направленным на него из этого леса и осыпаемый градом пуль, – читаем в мемуарах графа Ф. Сегюра, – остановился неподвижно. Не смея ни двинуться вперед, ни отступить, и удерживаемый чувством стыда и страхом перед опасностью, не решался тронуться с места. Но генерал Бельяр (*начальник штаба Неаполитанского короля – В.Л.*), следовавший за генералом Русселем, поспешил туда, чтобы возбудить мужество этого полка своими словами и увлечь его своим примером и таким образом лес был взят». Этот эпизод отметил в своем походном дневнике и поручик лейб-гвардии

Конного полка Ф.Я. Миркович. «В продолжение всего дня нас передвигали, но в дело не употребляли, – пишет он, – ...мы находились очень близко от неприятеля и мы видели, как он вытеснял нашу пехоту из лесу; его ядра свистели около нас».

Войска И. Мюрата, таким образом, обошли левый фланг русской позиции. Имея позади густой лес, прорезанный узким дефиле дороги и получая доклады о подходе к противнику все новых подкреплений, генерал-лейтенант П.П. Коновницын около 14 часов дня отправил в тыл часть своей артиллерии и отдал распоряжение на отход войск. Противник, понесший значительные потери, не преследовал русских, и казалось, бой на этом завершился. Но около 15 часов на верховой лошади Варшава сюда прискакал спешивший на гром артиллерийской канонады император Наполеон. «...Его присутствие, – вспоминал Л. Лабом, – возбудило, как всегда, всеобщий энтузиазм, и все поняли, что он явился, чтобы увенчать славу этого прекрасного дня. Неаполитанский король и принц бросились к нему навстречу и дали ему отчет о совершившихся событиях и всех принятых мерах».

Быстро оценив обстановку, император приказал вести преследование отступавших русских войск всеми наличными силами. Воодушевленные присутствием на поле боя своего кумира, французские войска с громовым «Да здравствует император!» начали общую атаку, но смять русских им не удалось. Отступив в полном порядке несколько восточнее, полки А.П. Коновницына остановились на позиции у д. Комары. После 16 часов к ним подошло подкрепление – 1-я гренадерская дивизия генерал-майора П.А. Строганова. С ней прибыл командир 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Н.А. Тучков, который, по старшинству, принял на себя командование арьергардом армии.

Обеспечив с подходом подкреплений почти двойное превосходство в силах, французы вновь энергично атаковали и вынудили русские полки после 17 часов продолжить отход к Витебску. Уже к вечеру войска П.П. Коновницына остановились у д. Добрейка, в 9 км. от Витебска.

Уже в темноте, когда бой практически завершился, погиб командир 2-й бригады 4-го корпуса «Великой армии» бригадный генерал Ж. Руссель. (Его имя впоследствии было вы-

сечено на восточной стороне Триумфальной арки в Париже). Некоторые мемуаристы и военные историки, основываясь на ходивших в армии слухах, писали, что генерал при посещении аванпостов был по ошибке застрелен своим часовым. Но возможно, что он погиб при иных обстоятельствах, которые описаны в мемуарах *Л. Лабома*. «...13-я дивизия... встретила сильное сопротивление со стороны неприятеля; он отступал только постепенно, и его многочисленные стрелки заставляли дорого оплачивать почву, которую мы у них отвоевывали; в одной из таких непредвиденных и несчастных стычек русский драгун подскакал к генералу Русселю и выстрелом из пистолета повалил его на землю. Русские редко назначали драгунов стрелками; из-за этого распространился слух, что генерал Руссель убит одним из наших, время обнаружило истину и убедило нас, что мы не должны упрекать себя в смерти этого храброго генерала...».

В сражении участвовало несколько русских драгунских полков, но представляется вероятным, что отличился лейб-драгун. Его полк «...к вечеру, по приказанию генерал-лейтенанта Коновницына, атаковал пешую колонну и прогнал оную за лес, выдержал жестокий картечный огонь и прикрывал всю ретираду. Сие дело полка оставлено безо всякого награждения». Похоже, не получил заслуженной награды за доблесть и безвестный русский гвардеец. Он, однако, успел снять с мундира поверженного неприятельского военачальника орден Почетного Легиона, т.к. два дня спустя этот орден «...с одного генерала» П.П. Коновницын послал с сопроводительным письмом своему маленькому сыну.

Сражение продолжалось 11 часов. «...Я не посрамился перед всеми, – писал генерал своей жене, – был со стрелками впереди, имел против себя два корпуса и самого Бонапарте; даже его сам видел – сходно с показанием пленных – на белой маленькой лошадке, без хвоста. ...Я целый день держал самого Наполеона, который хотел обедать в Витебске, но не попал и на ночь, разве на другой день». Итак, под непрерывными атаками французов, воодушевленных прибытием в их боевые порядки императора Наполеона, русские войска выстояли, отойдя на новую позицию.

Противники понесли одинаковые потери – примерно по тысяче человек. Трофеев французы не захватили.

Лучеса, 15 июля. Бой на рубеже р. Лучесы у Витебска (ныне в черте города) произошел 15(27) июля 1812 года. Здесь в жестокой схватке сошлись авангард центральной группировки «Великой армии» (32 батальона, 44 эскадрона, 62 орудия, ок.24 000 человек) под командованием маршала И. Мюрата (в присутствии императора Наполеона) и арьергард 1-й Западной армии (12 батальонов, 36 эскадронов, 6 казачьих сотен, 40 орудий, ок.7 000 человек) под командованием генерал-майора П. П. Палена.

Вечером 14 июля к Витебску подтянулись все соединения 1-й Западной армии. Ожидался подход с юга войск П. И. Багратиона, после чего планировалось дать Наполеону генеральное сражение. Когда дислокация к битве была уже составлена и начала рассылаться в корпуса, в штаб армии прибыл адъютант главнокомандующего 2-й Западной армии поручик А. С. Меншиков с известием, что прорыв через Могилев не удался и армия отходит на Смоленск. Немедленно собрался Военный совет, который, учитывая сложившуюся обстановку, принял решение о немедленном отступлении к Смоленску.

Прикрывать отход было поручено арьергарду под командованием генерал-майора П. П. Палена. Ночью, до наступления рассвета, его войска заняли позиции на левом берегу Лучесы, примерно в 6 км. от Витебска. К. Клаузевиц, осматривавший их перед боем, отметил, что правый фланг упирался в Западную Двину, а «...фронт был прикрыт небольшим ручьем, ... между краем долины, довольно густо поросшим деревьями и кустарником, и рекой, находилась небольшая равнина... Высоты были заняты пехотой и артиллерией. ...На левом фланге не было какого-либо опорного пункта, что было естественно, так как при столь коротком фронте нелегко найти опору для обоих флангов; поэтому при полном отсутствии резервов и неглубоком построении всякий охват нашего левого фланга представлял большую опасность. Многочисленные участки леса и кустарника, находившиеся как на самой позиции, так и вокруг нее, препятствовали обзору и этим еще больше ухудшали положение».